

Проводив Самохина, Дуров спросил униформиста:
 – Базарный день у вас в городе – воскресенье? Я не ошибся?
 – Так точно-с, именно-с, именно-с! – заторопился ответить тот. – Разрешите поздравить вас с благополучным заключением интересной сделочки! – и он умоляюще-выжидательно глянул на Дурова: не почтет ли тот нужным со своей стороны сунуть ему деньжат за посредничество?..

Впоследствии кое-кто из жителей города утверждал, будто рано утром клоуна Дурова видели на базаре. И притом в тех рядах, где торгуют живностью. Впрочем, достоверных сведения об этом нет. А вот при встрече клоуна с купцом по окончании утреннего спектакля присутствовал все тот же униформист с длинным носом. И он в частных беседах неоднократно утверждал и даже предполагал о том давать показания в суде, что когда, по договоренности, купец Самохин явился в уборную Дурова днем (еще доносились в уборную все те же звуки вальса для наездницы), то Анатолия Леонидович встретил своего контрагента по предстоящей сделке такими словами:

– Деньги с вами? Вот вам моя расписка, а вот – Хавронья.
 И Дуров указал на угол комнаты, где тревожно хрюкала в простом холщовом мешке тварь, явно относящаяся к семейству свиной (научное латинское наименование – *sus domesticus*).
 – Дозвольте взглянуть? – спросил Самохин.
 Вместо ответа клоун раскрыл мешок. Показалась морда с пятчком и черным пятнышком, покрывающим левый глаз и часть левого же уха.
 – Она! Она, матушка! – в восторге завопил купец. – По пятну признаю! Она, моя хороша! Извольте получить денежки-с и давайте сюда вашу ученую счетоводку...
 Трясушимися от нетерпения руками Самохин отсчитал двести рублей, положил на стол и напнулся к мешку. Но Дуров остановил купца, протянул ему листок бумаги, исписанный аккуратным почерком.
 – Извольте получить сперва мою расписку. Как уговорено, я эти деньги передаю в дар бедным ученикам приходских училищ...
 – По мне – хоть сожгите их, хоть с кашей съешьте! – рассеянно произнес Самохин. И, небрежно сунув в карман бумагу, обнял наконец вождельный мешок. Очевидно, при сем он несколько сдвинул свинью, потому что она стала визжать громко и с беспокойством.
 А Самохин, забыв даже попрощаться и не освобождая от объятий своих Хавронью, кинулся к дверям.

– В “Лиссабон”! – вопил он. – Прямо на кухню! К поварам! Пущая теперича готовят мне математическую отбивную с гарниром!

У трактира “Лиссабон” стоял целый наряд городовых: столько обывателей собралось полюбоваться необыкновенной трапезой купца Самохина и его друзей, что на площади началась давка и допуск гостей в трактир был прекращен. А народ все прибывал...

Из окошка второго этажа высунулся на площадь сам господин Самохин – уже сильно пьяный – и заорал:

– Ну, чего галдите там, дурачье? Все равно вам ничего не дам! Съем сейчас ученую животную целиком, разве что косточки выброшу вам, хо-хо-хо!..

Смех этот был подхвачен и в самом трактире, и на площади. Народ потолкался еще немного, но постепенно разошелся, понуждаемый к тому полицией...

Спустились сумерки. У входа в цирк зажглись огни, и началось вечернее представление. Надо ли говорить, что зрители только и ждали выхода во втором отделении Дурова: всем интересно было – как это он объяснит почтеннейшей публике отсутствие ученой свиньи?..

Но вот величественный шпехтальмейстер объявил выход знаменитого клоуна. Аплодисменты, гораздо менее звучные, чем обычно, встретили сатирика. Его шутки и трюки, выполняемые животными, звучали сегодня словно бы приглушенно: зрители меньше смеялись, меньше хлопали, даже переговаривались между собой, чего не бывало никогда...

А затем наступил тот момент в течении номера, когда обычно Анатолия Леонидович обращался к своим помощникам:

– Теперь пригласите сюда нашу умницу Хавронью, которая умеет считать гораздо лучше, чем кассир Скопинского общества взаимного кредита...

(Всем известно было в те дни, что в городе Скопине Рязанской губернии сильно проворовалось правление местного банка; шел нашумевший процесс, газеты много места уделяли этому делу; деятельность кассира скопинского банка сделалась, что называется, “злойбой дня”.)

Обычно эта острота вызвала взрыв хохота. На сей раз ей сопутствовал не смех, а необыкновенное движение и гул голосов на всех местах: люди оценивали факт предстоящего появления “съеденной” свиньи...

А из форганга уже шла неторопливая своей походкой гениальная Хавронья. И, признав ее, зрители словно сошли с ума. Таких оваций в этом городе не было никогда. Люди били в ладоши, смеялись, свистели, хлопали друг друга по плечам, плакали от смеха, прыгали на своих местах. Незнакомые заговаривали друг с другом. На арену полетели шляпы и картузы, женские веера и цветы...

Трудно было в этом гомоне понять что-либо. Но все же неоднократно повторяемое слово “Самохин” вырывалось из шума и как бы главенствовало над всем. А когда постепенно успокоился зал, Хавронья совершила на арене все, что ей положено было совершать ежевечерне: она решала задачи, показывала таблички с называемыми из публики цифрами и т. д. и т. п.

На уход свинья получила новую порцию оваций. Теплее, чем обычно, приветствовал зал и дрессировщика. Анатолия Леонидович ушел взволнованный и еще более усталый, чем всегда. По его распоряжению Хавронью повели не в клетку, установленную в дальнем углу цирковой конюшни, где она проживала обычно, а к нему в уборную.

Мера эта была не напрасной. Потому что едва Дуров успел войти в свою уборную, как туда ворвался – именно ворвался – толстяк Самохин. С искаженным лицом и сжатыми кулаками он набросился на клоуна и завизжал:

– Ты это что же, такой-рассякой, со мной сделал?! На смех меня вздумал выставлять?! Меня – Игната Самохина, первой гильдии купца и кавалера – на смех?! Сей минут подавай мне подлинную твою свинью, а не то я во всем вашем балагане палки целой не оставлю!

В коридоре внушительно и грозно галдела постоянная свита купца, уверенная на сей раз, что буйство будет на руку их амфитриону.

– Пошел вон отсюда, хам! – негромко, но внушительно ответил артист.

Самохин подался было назад, но ярость была в нем столь велика, что он даже замахнулся на Дурова:

– Мошеник – вот ты кто после этого! Ребята, бей его! Я отвечаю! Громи все!

Но почему-то спутники Самохина не спешили откликнуться на этот призыв. Они умолкли. И, оглянувшись назад, купец увидел, что подле его шайки в сдержанных позах стоят семь или восемь молодых атлетов – все артисты цирка: гимнасты, акробаты, гиревики. Стоят в позах, не оставляющих сомнения в их намерениях. И это обстоятельство сильно подорвало смелость прихлебателя купца.

И тогда Самохин начал отступление. Он еще погрозил кулаком Дурову, еще крикнул:

– Ничего, тебя мировой засудит, вот увидишь!

Но больше думал о том, как покинуть здание цирка без ущерба себе и друзьям, нежели об удовлетворении за свою обиду...

Через три минуты новые взрывы хохота обнаружили, что народ на площади смеется над неудачливым самодуром...

А последний акт трагикомедии протекал в камере мирового судьи. Почтенный представитель богини правосудия, украшенный медалью на золотой цепи, слегка отодвинул от своего лица “зерцало” с текстом законов, стоявшее перед ним на столе, и бросил в зал:

– Слушается дело по иску потомственного почетного гражданина Самохина Игната Парменовича к дворянину Дурову Анатолию Леонидовичу. Господин Самохин здесь?

– Тут мы, Самохин то есть.

– Отлично. Господин Дуров?

– Я – Дуров.

– Попрошу подойти поближе... Господин Самохин, изложите суду: в чем состоит ваша претензия к господину Дурову?

Вряд ли стоит пересказывать здесь подробно сбивчивую и глуповатую речь первой гильдии купца: нам известна суть его жалоб. Обратимся прямо к концу выступления:

–...И это что же получается, ваше высокоблагородие? Выходит, он мне подsunул простую свинью, а деньги взял как за ученую!.. Надо мной, между прочим, теперь весь город смеется... А у меня расписка есть, что двести рублей он с нас получил-с. Так неужели же простая свинья, которая с базара, стоит две “катеньки”? Сами понимаете, ваше высокоблагородие, что так можно только в надсмешку...

Судья жестом остановил Самохина и обратился к ответчику:

– А вы что скажете?

– Я скажу, что лично мне господин Самохин денег не давал. Они изволили пожертвовать двести рублей на нуждающихся учеников местных приходских школ. В этом смысле мной была составлена расписка в получении – она у вас перед глазами, господин судья... А вот разрешите приобщить к делу расписку, полученную мной от Общества вспомоществования нуждающимся ученикам: я им полностью внес сумму, которую мне пожелал для сей цели вручить господин Самохин.

И Дуров положил на судейский стол еще одну бумагу.

Мировой ознакомился с обоими документами.

– Дело словно бы ясное, – резюмировал он. – Господин Самохин, у вас есть свидетели, что вы приобретали у господина Дурова свинью и притом – ученую?

– Какие ж свидетели-с, когда все – с глазу на глаз?.. Но ведь народ-то знает... Дозвольте допустить моих этих прихлебателей, хоть десять человек, они там ожидают-с... Они все покажут вам, как надобно-с...

– Нет уж, господин Самохин, давайте без прихлебателей!

И вот вам эпизод:

Закончив гастроли через несколько дней, А. А. Дуров уезжал из города, он сел в вагон первого класса, предварительно убедившись, что в прицепленных к тому же поезду товарных вагонов его животные размещены добросовестно и что обширный клоунский инвентарь упакован и погружен надежно. А в смежном отделении мягкого вагона клоун увидел своего контрагента по делу об ученой свинье. Да, купец Самохин также покидал город.

Дуров отвернулся: здороваться с любителем математической свинины ему не хотелось. Но Самохин первый поклонился артисту:

– Признаете? – с кривой усмешкой сказал он. – Ага. Я самая. Приходится теперича бежать из родного дома, словно я вор какой или убийца... А через что? Через вашу свинью, будь она проклята!.. Такие смехи слышу над собой ежедневно и даже ежечасно, что порешил вот на время хотя отлучиться отсюда: авось забудут про это свинство то есть... И желаю ей подохнуть поскорее, вот что могу вам сказать!

– А ей-то за что? Хавронья моя ничуть не виновата, что у вас такой характер, – не скрывая улыбки, ответил Анатолий Леонидович.